

УДК 801.73

Дзыга Я. О.

Московский государственный областной университет

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ
И.С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»**

Y. Dzyga

Moscow State Regional University

**FOLK TRADITIONS IN I. SHMELEV'S NOVEL
"THE SUMMER OF THE LORD"**

Аннотация. Статья посвящена изучению фольклорных традиций в романе И.С. Шмелёва «Лето Господне». Важнейшей особенностью языкового строя произведения является обращение к различным жанрам народного творчества, среди которых народные песни, пословицы и поговорки, прибаутки, приметы, сказочные образы и мотивы. Способы включения и характер функционирования народно-поэтических элементов предопределяются художественной задачей и отличаются большим разнообразием. Фольклорные жанры служат средством характеристики персонажей, «подсвечивают» романную ситуацию, создают настроение. Народная словесность связана с общей стилевой доминантой произведения, а также имеет прямое отношение к главным ценностям национальной культуры.

Ключевые слова. Шмелёв, эмиграция, языковой строй, фольклорные традиции, национальная культура, духовное значение.

Abstract. The article deals with study of folk traditions in the novel "The Summer of the Lord" by I. Shmelev. The main feature of the novel's language structure is the use of different genres of folklore, for example folk songs, proverbs and sayings, jokes, signs, fabulous images and motives. The ways of inclusion and the nature of functioning of the folk and poetic elements are predetermined by literary goal and vary a lot. The folk genres are the instrumental characteristics of characters, they "light up" of the novel situation, create its atmosphere. The folklore is related to the general stylistic dominating idea of the novel and is directly connected with the main values of the national culture.

Keywords: Shmelev, emigration, language structure, folk traditions, national culture, spiritual significance.

Несмотря на то, что И.С. Шмелёв был одним из самых последовательных выразителей исконных начал национальной стихии в эмиграции, изучение народно-поэтических основ его творчества только начинается [4]. Не претендуя на окончательные выводы, остановимся на исследовании роли фольклорных элементов в художественной ткани «Лета Господня» (1933-1948).

Анализ целесообразно начать с выяснения истоков языкового богатства автора романа. Современными исследователями установлено, что это живая народная речь, фольклор, религиозные тексты и классическая литература [2, с. 60]. Не случайно в представленном списке традиции устного народного творчества стоят на первом песте.

Заинтересованное отношение писателя к народному словесному творчеству в полной мере сказалось в его вершинном произведении. Так, в главе «Масленица» описаны детские впечатления малолетнего героя, который всегда охотно общался с мастерами. Уже тогда для будущего писателя началось постижение неписаных законов народного языка, запечат-

ленных в живых и подвижных формах бытового речетворчества: «Масленица в развале. <...> Плотники, пильщики, водоливы, кровельщики, маляры, десятники, ездоки – в рубахах распояской, с намасленными головами, едят блины. <...> Все они мне знакомы, все ласковы. Я слушаю их речи, прибаутки» [4, с. 181-183]. Ребёнок с жадностью впитывал богатую народную речь, пёстрые словечки и выражения рабочих «нашего двора», послуживших ему начальной школой творческого мастерства. Впоследствии именно это качество стало эмблемой неповторимого стиля писателя и знаком глубинной народности его творений, воплотивших в языке живую стихию национального духа. Приверженность к родному слову в эмиграции приобрела дополнительный смысл верности культурным традициям родины, давала силы на преодоление трудностей, была источником национальной гордости.

Закономерно, что в произведении, воссоздающем «лицо святой Руси», запечатлены различные проявления национальной духовной культуры. В «Лете Господнем» это богатейший пласт поэтического творчества народа, представленный разнообразными жанрами русского фольклора. В художественную ткань шмелёвского романа органично вписаны народные песни, пословицы, поговорки, загадки, сказочные образы и мотивы, поверья и приметы, прибаутки, дразнилки, детские считалки, гадания и др. Характер отбора, трактовки, функционирования и способов вживания в повествование фольклорных элементов зависит от конкретной художественной задачи и отличается большим разнообразием.

Стихия народно-поэтического слова напрямую связана с общей стилиевой доминантой и авторской концепцией произведения, имеет прямое отношение к главным ценностям национальной культуры и общим законам человеческого бытия. Без обращения к запечатленному в фольклорных жанрах традиционному народному миропониманию невозможна актуализация памятного аспекта шмелёвского романа.

Ведущую роль в повествовательной ткани «Лета Господня» играют пословицы и поговорки. В качестве иллюстрации морально-нравственных убеждений народа пословицы в романе объясняют законы жизни человека, служат средством оценки поступка или события, подсвечивают характеры героев. Будучи тесно связанными с движением сюжета, они могут направлять поведение персонажей или ход романного действия в целом.

Любимая пословица Горкина «делов-то пуды, а она – туды» [4, с. 351, 429] не только выражает отношение к жизни православного христианина, но и предвосхищает печальное развитие событий в произведении. Важность высказывания отражается в его повторяемости: оно дважды возникает в речи отца героя в «Богомолье» и столько же в «Лете Господнем».

Накануне Крестопоклонной недели Горкин преодолевает страх маленького Вани другой народной мудростью, связанной с отношением к смерти. «Пословица говорится: «Рожался – не боялся, а помрёшь – недорого возьмешь». <...> Значит, всем будет воскресение» [4, с. 347-348].

Пословицы и поговорки, связанные с церковным календарём, также ориентированы на православную систему ценностей. Народные наблюдения над погодой закрепились в выражении «Введенье ломает леденье» [4, с. 326]. Предшествующие Рождеству морозные декабрьские праздники описаны в известной поговорке: «Варвара-Савва мостит, Никола гвоздит» [4, с. 315]. На «нашем дворе» все знают, что это тяжёлое время для хозяйственного Василь Василича. В его деревне на Николу престольный праздник и вместе с многочисленными московскими земляками он «празднует во все тяжкие» [4, с. 315].

Радостные рождественские хлопоты, окрашенные настроениями довольства и веселья, рождают в людях чувство праздничной спаянности и почти семейной близости. В такие дни и на жуликов не обижаются – «связываться не время». Красное слово народа гласит: «Что волку в зубы – Егорий дал» [4, с. 320].

Строгость, простота и воздержанность великопостных дней запечатлена в другой народной мудрости: «Пришёл пост – отгрызу у волка хвост» [4, с. 6]. Праздник Благовещенья в русском быту связывался с великой радостью и знаменовал начало весны. На этот счет есть много образных изречений, любовно запечатленных в романе Шмелева: «Завтра и поста нет: уже был «перелом поста – щука ходит без хвоста». Спрашиваю у Горкина: «а почему без хвоста?» А лёд хвостом разбивала и поломала, теперь без хвоста ходит» [4, 45]. Всякая работа в день Благовещенья считалась грехом, поэтому в народе говорили: «<...> Завтра птица гнезда не вьёт, красна девка косы не плетет» [4, с. 47].

Вписанные в речь действующих лиц, пословицы и поговорки в романе Шмелёва часто трансформируются, то разворачиваются, то сокращаются в зависимости от художественной задачи. Обещания Василия Косого приготовить ердань на Крещение отец главного героя оценивает образно: «Не хвались, идучи на рать, а хвались...» [4, с. 172]. В тон ему ответ Василь Василича, мечтающего победить в ледяном состязании немца Ледовика Карлыча: «Загодя молчу, а... закупаю Ледовика <...>... Сколько дознавался-бился... как говорится, с гуся вода-с... и больше ничего-с» [4, с. 172].

Иногда одной пословицы бывает достаточно для исчерпывающей характеристики персонажа. К примеру, о спившемся оперном певце Пискуне в романе сказано: «Когда-то он пел в Большом театре, <...>, но сорвал голос, и теперь только по трактирам – „уж как веет ветерок, из трактира в погребок“» [4, с. 146].

Многочисленные и уместные в устах простонародья, пословицы встречаются в речи других персонажей «Лета Господня». Бывший барин Валерьян Дмитриевич Энтальцев о своём месте на обеде «для разных» выражается картинно: «<...> Не место красит человека... много званых, да мало избранных!» [4, с. 145]. Соединение в одном высказывании усеченных вариантов пословицы и библейского выражения выдают в герое образование и претензии на особое положение.

В пословичной форме монах остановил неприличествующий обстановке спор Горкина и Домны Панферовны о святом артосе в главном соборе Кремля: «Подошёл к нам монашек и говорит душеспасительно-благолепно: не мечите, говорит, бисера, не нарушайте благолепия церковного ожесточением в пустоту! – Горкин его очень потом хвалил за премудрость: „Вы слышали звон, да не с колокола он...<...>“» [4, с. 388].

Не желающий рядиться в капиталисты, купец Крынкин тоже апеллирует к народной мудрости. «Попа и в рогоже знают» [4, с. 456], – уверен герой, поэтому сюртук из мужика барина не сделает. Но особенно богата образными изречениями речь плотника Горкина. Он, как никто, понимает значение к месту и от души произнесенного слова. Содержание народных представлений о ценности словесного дара аккумулированы героем в пословице: «Ласковое слово лучше мягкого пирога» [4, с. 451].

Приметы и поверья как своеобразный прогноз будущих событий всегда были частью духовной и бытовой жизни русского народа. Тесно связанные с трудовой, сельскохозяйственной деятельностью, они отвечали насущным потребностям человека-труженика, ориентируя его в течении изменчивой природной жизни. В «Лете Господнем» приметы чаще всего нацелены на определение сроков наступления и характера течения различных фаз годового цикла, на предсказания погоды. Так, новое для Москвы дело по постройке «ледяного дома» напрямую зависело от погодных условий. Полагаясь на народные приметы, Горкин сделал уверенный вывод – оттепели не будет: «<...> Это уж и теперь видать: лёд на Москве-реке больше четверти, и дым всё столбом стоит, и галки у труб жмутся, а вот-вот и Никольские морозы... – не сдаст нипочём зима» [4, с. 301]. Основанный на опыте наблюдений над природой многих поколений народный календарь сопряжён с православным годовым кругом, религиозными понятиями. «Господь всякую тварь умудряет, – объясняет старый плотник

малолетнему герою. – Василь-Василич в деревню ездил, тоже сказывает: ранняя ноне зима будет, ласточки тут же опосле Успенья отлетели, зимы боятся. И сорок, говорит, несметная сила навалилась, в закутки тискаются, в соломку... – лютая зима будет, такая уж верная примета. Погляди-ка, вороны на помойке с зари толкуются, сила ворон, николи столько не было» [4, с. 301].

Распространяясь на все сферы человеческой жизнедеятельности, приметы могли связываться с предсказаниями будущего, которое, в представлениях народа, тоже часто зависело от характерного поведения животных или птиц. Тяжелой болезни и последовавшей за ней смерти «хозяина благого» в «Лете Господнем» предшествовали многочисленные приметы и поверья. Сначала по весне в обжитые скворешницы не прилетели птицы – «чужали пустоту». С Пасхи подвывала собака Бушуй, а «страшный змеинный цвет» армы, которому назначено появляться один раз в двадцать-тридцать лет и с которым в семье связывали несколько смертей, начал набирать бутон.

Предшествовавшие трагическому событию вещие сны тоже можно рассматривать как особый тип примет [1, с. 32]. Перед роковым падением с лошади Сергей Иванович видел неприятный сон, связывавшийся в его сознании со смертью. Предвестником беды была большая гнилая рыба, всплывшая в покои без воды и ставшая под образа. Задолго до этого странное сновидение привиделось Горкину. Ему приснился покойный плотник Мартын. Чисто одетый, он пришёл во двор с новым сосновым крестом, который они с отцом героя отправились ставить кому-то в Донской монастырь.

В «Лете Господнем» представлены также менее распространенные в литературе жанры устного народного творчества. Это многочисленные приговорки и прибаутки («рад стараться, лишь бы не... надорваться» [4, с. 51], «соли посолоней, в гробу будешь веселей» [4, с. 147], «почём почемкую – потом и потомкаешь» [4, с. 40]), небылицы («видала

во сне – сидит баба на сосне» [4, с. 309]), детские песенки-считалки («Калачи горячи // На окошко мечи!» [4, с. 90]) и др.

Бывает, что приверженность к меткому народному слову является сквозной характеристикой персонажа. Так выстроен образ блаженной тетки Пелагеи Ивановны, которая «судьбу видит»: «Столько она всяких словечек знает, приговорок всяких и загадок!» [4, с. 307]. Приходит она редко и всегда неожиданно, может целый вечер проговорить загадками и прибаутками – «так цветным бисером и сыплет»: «Приехала тетка с чужого околотка... и не звана, а вот вам она!»; «Расти, хохолок, под самый потолок»; «Что, малинка... готова перинка?» [4, с. 308]; «Кому пост, а кому погост!», «Невелика синица, напьется и водицы...» [4, с. 309] и др.

В создании образа другого эпизодического персонажа, лесника Михал-Иванова, главную роль играют сказочные мотивы. В представлениях маленького Вани это почти лесовик, хозяин дремучего леса: «Михал-Иванов кажется мне особенным, лесовым, как в сказке. Живёт в избушке на курьих ножках, в глухом лесу, куда и дороги нет, выжигает уголь в какой-то яме, а кругом волки и медведи» [4, с. 369]. И выглядит герой соответственно: «весь в волосах» и «чёрный-чёрный» от работы. Однако мальчик знает, что внешность обманчива, недаром отец часто подшучивает: «<...> Михал-Иванов – трубочист, телом грязен – душой чист!» А он отмахивается: «И где тут, и душа-то угольная». Нет, душа у него чистая, как яичко» [4, с. 370].

Устойчивые сказочные ассоциации вызывают образы Василисы Премудрой (с её волшебством ребёнок сравнивает появление ледяного дома-дворца), Жар-птицы (ей в чём-то сродни красавица Кавказка), Бабы Яги (на неё похожа «костлявая-худящая» бабка Надежда Тимофеевна). Визит больного отца в баню связывался в сознании малолетнего героя со сказками о живой и мертвой воде.

Малые жанры русского фольклора часто актуализируются в шутливой манере обще-

ния шмелёвских персонажей. Весёлый спор Матрешки с Гришей по поводу гаданий на Святки превращается в озорную перепалку дразнилок. «Ладно, я те нагадаю: Гадала, гадала, // С полатей упала, // На лавку попала, // С лавки под лавку, // Под лавкой Савка, // Матрёше сладко!», – начинает герой [4, с. 158]. Девушка не остается в долгу: «Я б тебе нагадала, да забыла, как собака по Гришке выла!» [4, с. 158]. А задорные шутки Маши и Дениса во время рубки капусты скрывают взаимные нежные чувства.

Пример настоящих святочных гаданий тоже есть в «Лете Господнем». Горкин демонстрирует один из наиболее распространённых способов предсказания судьбы – гадание по духовной книге. В его случае это листок с изречениями царя Соломона. «На то и Святки, – объясняет Михайла Панкратыч собравшейся на кухне компании. – Вот я вам погадаю. Захватил листочек справедливый. Он уж не обманет, а скажет в самый раз. Сам царь Соломон Премудрый! Со старины так гадают» [4, с. 160].

Помимо малых жанров фольклора, традиции народного поэтического творчества в «Лете Господнем» широко представлены примерами народной песенной лирики. С одной стороны, это обстоятельство связано с особенностями индивидуального стиля писателя, с другой – обусловлено пиететом перед песенным фольклором как одним из важнейших звеньев национальной культуры.

В художественную ткань «Лета Господня» вписаны разнообразные по жанру народные песни от плясовых, семейных, трудовых и пастушьих до народных романсов и детских песенок. Репертуарно они включают в себя всенародно известные «Лучинушку», «Вниз по матушке по Волге», «Камаринскую», а также менее знакомые современному читателю «Ехали бояре из Нова-города», «На серебряной реке, на золотом песочке», «Не велят Маше за реченьку ходить» и др.

Народные песни в «Лете Господнем», как и другие фольклорные тексты, подсвечивают романную ситуацию, служат средством

характеристики персонажей, создают настроение. Так, пение смягчает гнев стряпухи Марьюшки, которую в масленичные дни заменил на кухне повар Гаранька «из Митриева трактира»: «Обидно: праздник у всех, а она... расстегаев не может сделать! <...> Она начинает плакать и мять платочек <...>. Её уводят в залу, уговаривая спеть песенку и подносят еще лафитничек. Она довольна, что все её очень почитают, и принимается петь про «графчика, раздумяного красавчика»: «На нём шляпа со пером, Табакерка с табаком!...». И ещё, как «молодцы ведут коня под уздцы... конь копытом землю бьёт, бел-камушек выбиёт...» – и ещё удивительные песни, которых никто не знает» [4, 187].

Проецируясь на жизненную ситуацию, сюжеты народных песен служат средством её оценки. В лирических напевах героини Шмелева изливают свои чувства, живут, любят, скорбят и радуются под аккомпанемент народных песен. К примеру, непростые отношения Маши и Дениса «описывают» сразу несколько народных песен: «Денис <...> все говорит: «Поговорите ей, Михаил Панкратыч... мочи моей нет, душа иссохлась». Горкин не отвечает. Денис приносит из домика гармонью и начинает играть. Я знаю это – «Не велят Маше за реченьку ходить... не велят Маше молодчика любить...» Хорошо играет, Горкину даже нравится. Маша кричит с плотов в смехе: – А ну, сыграй любимую-то свою – «Вспомни-вспомни, мой любезный, мою прежнюю любовь!» – и всё хохочет» [4, 220].

Завершая разговор о роли традиций русского фольклора в «Лете Господнем» И.С. Шмелёва, уместно вспомнить слова писателя, который настаивал: «<...> Язык народа – по размаху и глубине духа его!» [5, с. 385].

Таким образом, погружение в светонесный мир шмелёвского произведения в контексте фольклорных традиций позволяет лучше понять задушевный смысл вершинной книги писателя-эмигранта, приобщиться к ценностям национального мирозерцания и психологии, заключённым в поэтическом слове народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М.: «Индрик», 1994. – Т. 1. – 800 с.
2. Руднева Е.Г. «Магия Руднева Е.Г. «Магия словесного разнообразия» (О стилистике И.С. Шмелёва) // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 60-65.
3. Шешунова С.В. Сказочные мотивы в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» // Тез. докл. X Международных Крымских Шмелёвских чтений. – М.: Российский Архив, 2004. – С. 56-63.
4. Шмелёв И.С. Лето Господне // Шмелёв И.С. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Сибирская Благозвонница, 2008. – Т. 10. – 541 с.
5. Шмелёв И.С. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной: Роман в письмах: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2003. – Т. 2. – 856 с.